

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

— — — — —

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.
1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1917.

ОТЗЫВЫ О ПРЕМИРОВАННЫХ СОЧИНЕНИЯХЪ.

I.

Отзывъ В. В. Бартольда о трудѣ Б. А. Тураева¹. Исторія древняго Востока. Курсъ, читанный въ СПБ. университетѣ. ² 2-ое исправленное и иллюстрированное изданіе. Часть I. С.-Петербургъ 1913. Стр. 367. Часть II. Петроградъ 1914. Стр. 414. Указатель. Петроградъ 1915. Стр. 44.

Трудъ проф. Тураева является первой попыткой русскаго ученаго изложить, по первоисточникамъ, исторію древне-восточныхъ цивилизацій. До сихъ поръ Россія имѣла, хотя и въ небольшомъ числѣ, ассиріологовъ и египтологовъ, но не имѣла историковъ древняго Востока; все, что печаталось на русскомъ языкѣ о древне-восточныхъ народахъ, было или переводомъ съ западно-европейскихъ языковъ, или компиляціей, составленной по трудамъ западно-европейскихъ ученыхъ. Въ главѣ, посвященной «исторіи науки» (I, 30 сл.) отъ находки розеттскаго камня до «знаменитаго труда» Эдуарда Мейера, авторъ не называетъ ни одного русскаго историческаго труда и не имѣлъ къ этому повода. Русскіе мыслители, когда имъ приходилось касаться исторіи древняго Востока, рабски, хотя и безсознательно, подчинялись западной Европѣ; философъ Владиміръ Соловьевъ настаивалъ на замѣнѣ Навуходоносора Небукаднечаромъ, тогда какъ въ Германіи Эдуардъ Мейеръ выражалъ сожалѣніе, что нѣмецкая и англійская наука, связанная переводами библіи, вынуждена подчиниться масоретскому искаженію ассиро-вавилонскихъ именъ и не можетъ воспользоваться такими пре-

¹ [На основаніи этого отзыва въ Общемъ Собраніи Русскаго Археологическаго до Марта 1916 г. Б. А. Тураеву присуждена большая золотая медаль. *Ред.*].

² Эти слова находятся только на заглавномъ листѣ, послѣдующія (о 2-мъ изданіи) только на обложкѣ.

восходными греческими транскрипціями, какъ Σαναχάρης и Ναβουχοδρόσορος.

Проф. Тураевъ въ своемъ введеніи предсказываетъ наступленіе «болѣе благоприятнаго будущаго» (I, 8), когда Россія въ дѣлѣ изученія древняго Востока займетъ мѣсто, болѣе соотвѣтствующее достоинству русской культуры, географическому положенію Россіи, этнографическому составу и культурнымъ традиціямъ ея населенія. Черезъ посредство христіанскаго Востока, Россія связана съ древнимъ Востокомъ болѣе тѣсной культурной преемственностью, чѣмъ западная Европа; кромѣ того, въ предѣлахъ Россіи, въ Закавказьѣ, находятъ клинообразныя надписи; часть русскихъ среднеазиатскихъ владѣній входила въ составъ древне-персидской монархіи; даже центры ассирио-вавилонской культуры — Ниневія и Вавилонъ — находятся сравнительно недалеко отъ нашихъ границъ. По замѣчанію проф. Тураева «изученіе великаго прошлаго нашихъ окраинъ — нашъ долгъ и предъ нами и предъ наукой» (I, 7); къ этому можно было бы прибавить: и передъ своимъ собственнымъ народомъ, если мы не хотимъ, чтобы его господствующее положеніе въ созданной имъ имперіи опиралось только на такой ненадежный элементъ, какъ грубая сила.

Къ составленію обзора исторіи древняго Востока проф. Тураевъ приступилъ послѣ многихъ лѣтъ научной и преподавательской дѣятельности. Отъ египтологіи, которой онъ занимался еще на студенческой скамьѣ и которой впослѣдствіи посвятилъ рядъ специальныхъ работъ, въ томъ числѣ магистерскую диссертацию «Богъ Тотъ» (1898), онъ перешелъ съ одной стороны къ ассириологіи, съ другой — къ изученію коптской церковной литературы и эіопской (древне-абиссинской) письменности, которой посвящена его докторская диссертация «Исслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эіопіи» (1902). Въ послѣдующей научной дѣятельности проф. Тураева работы по изученію христіанскаго Востока занимаютъ столь же значительное мѣсто, какъ работы по изученію древне-восточныхъ цивилизацій; въ 1911 г. онъ былъ однимъ изъ основателей, впослѣдствіи однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ научнаго органа по изученію христіанскаго Востока, издаваемого Академіей Наукъ.

Кругомъ научныхъ интересовъ автора опредѣляется, по нашему мнѣнію, то мѣсто, которое суждено занять его курсу среди другихъ попытокъ дать обзоръ исторіи древняго Востока. «Древній Востокъ», по замѣчанію проф. Тураева, есть «условный культурно-историческій терминъ для обозначенія странъ древнихъ цивилизацій, непосредственно хронологически и духовно предшествовавшихъ греко-римской» (I, 3). Но если для многихъ завоеванія Александра «превратили Востокъ изъ древняго въ эллинистиче-

скій» (I, 4), то для проф. Тураева эллинистическій Востокъ есть продолженіе и неразрывная часть древняго; эпоха эллинизма была эпохой культурнаго взаимодействія между Востокомъ и Западомъ, «эллинизациі Востока и ориентализациі Запада» (II, 297). Культура древняго Востока продолжала жить рядомъ съ греко-римскою, подвергаясь ея вліянію и оказывая вліяніе на нее, и вмѣстѣ съ ней закончила свое существованіе при торжествѣ новой міровой религіи; къ одному и тому же столѣтію (VI в. по Р. Хр.) относится исчезновеніе послѣдняго оплота язычества въ Афинахъ и послѣднихъ представителей древне-египетской религіи въ Нубіи (II, 347); «послѣдній язычникъ» неоплатоникъ Дамаскій былъ хорошо знакомъ съ передне-азиатскимъ язычествомъ и говоритъ о немъ, какъ о современныхъ ему вѣрованіяхъ, хотя «въ то время халдейская премудрость уже угасла, по крайней мѣрѣ въ своемъ классическомъ видѣ» (II, 365). Соединяя въ одно цѣлое Востокъ древній и эллинистическій, авторъ различаетъ въ исторіи Востока три культурно-историческихъ эпохи—«Востокъ древній, христіанскій и мусульманскій; древній съ недавняго времени, по почину Масперо, стали называть классическимъ» (I, 5; авторъ не прибавляетъ, что для Масперо «классическій» Востокъ оканчивается не торжествомъ христіанства, а побѣдой Александра Македонскаго).

Такимъ образомъ, цѣль проф. Тураева—дать обзоръ исторіи до-христіанскаго Востока. Къ выполненію своей задачи онъ приступаетъ какъ филологъ, оставляя почти совершенно въ сторонѣ вопросы, относящіеся къ области языкознанія, этнографіи и археологіи. Въ противоположность напр. труду Эдуарда Мейера, разсматриваются почти исключительно эпохи, оставившія намъ письменные документы (исключеніемъ является небольшая глава о до-династическомъ, неолитическомъ Египтѣ, I, 166 сл.); вообще по вопросамъ, для рѣшенія которыхъ мы не располагаемъ письменными источниками, проф. Тураевъ ограничивается сопоставленіемъ противоположныхъ мнѣній, только изрѣдка, съ прибавленіемъ слова «вѣроятно», отдавая предпочтеніе той или другой теоріи. Характерны въ этомъ отношеніи тѣ мѣста книги, гдѣ говорится о результатахъ разбора текстовъ Митанни (I, 72), о «прародинѣ и путяхъ расселенія» индо-европейцевъ (I, 73), о происхожденіи алфавита (II, 40), о первоначальной исторіи персовъ (II, 152).

Какъ филологъ, авторъ начинаетъ обзоръ исторіи Востока съ древнѣйшаго явленія¹, которое мы можемъ изучитъ по письменнымъ источни-

¹ Въ прежнихъ своихъ трудахъ проф. Тураевъ былъ склоненъ отнести начало вавилонской культуры къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ начало египетской; памятники «древнѣйшей эпохи вавилонской культуры» казались ему въ то же время древнѣйшими памятниками культуры обще-человѣческой (ЗВО, XIII, 06). Въ настоящее время онъ приходитъ къ

камъ — съ «процесса образованія крупныхъ политическихъ единицъ изъ мелкихъ городскихъ областей Вавилона и Египта» (I, 77). Съ распространеніемъ египетской и въ особенности передне-азиатской письменности для него расширяются географическіе предѣлы древне-восточнаго міра, и въ окончательномъ итогѣ этотъ міръ обнимаетъ страны отъ «Кавказскаго хребта и Средней Азіи до Персидскаго залива, южной Аравіи, страны африканскихъ озеръ, отъ рубежа Ирана и Индіи до Иракловыхъ столповъ» (I, 4). Какъ египтологъ и ассириологъ, онъ невольно сосредоточиваетъ свое вниманіе на Египтѣ и передне-азиатскомъ Двурѣчьи; въ зависимости отъ этого терминъ «древній Востокъ» иногда употребляется имъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ въ его собственномъ опредѣленіи. Такъ объ ассирійскихъ царяхъ VII в. говорится, что они «объединили подъ своею властью, хотя и на короткое время, весь древній Востокъ» (II, 91), хотя они владѣли только страной «отъ снѣговыхъ вершинъ Арменіи до пороговъ Нубіи, отъ Кипра и Киликіи до восточныхъ границъ Элама» (II, 77) и хотя въ то время уже существовалъ Карѳагенъ, существовала культурная жизнь въ Малой Азіи за предѣлами Киликіи, въ Иранѣ за предѣлами Элама. Столь же явно преувеличено, что Навуходоносоръ владѣлъ половиною Азіи (II, 128) и что его народу оказалось не по силамъ «господство надъ вселенной» (II, 132).

Вполнѣ естественно, что самую цѣнную часть труда проф. Тураева составляютъ главы, посвященныя Египту (со включеніемъ Нубіи и Абиссиніи), Сиріи и Двурѣчью, гдѣ мы находимъ необыкновенно полную и наглядную картину культурной жизни этихъ областей съ древнѣйшихъ временъ до побѣды христіанства. Въ трудахъ по исторіи древняго Востока наглядность обыкновенно достигается приложеніемъ большого числа хорошо исполненныхъ и подробно объясненныхъ иллюстрацій; для книги, издавонной студенческимъ комитетомъ, такая внѣшняя роскошь изданія, которой отличается напримѣръ трудъ Масперо, была недоступна. Иллюстраціи, которыми второе изданіе курса отличается отъ перваго, занимаютъ въ немъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто, хотя сами по себѣ иногда представляютъ выдающійся интересъ, и являются только виньетками, помѣщенными въ началѣ, иногда и въ концѣ отдѣльныхъ главъ. Этотъ внѣшній недостатокъ съ избыткомъ возмѣщается многочисленностью, тщательнымъ подборомъ и удачнымъ въ смыслѣ языка¹ переводомъ выдержекъ изъ іероглифическихъ и

выводу, что «начало двухъ великихъ культур древняго Востока одновременно» и начинать свое изложеніе «съ исторіи Вавилоніи только въ виду ея болѣе широкаго вліянія на окружающій міръ» (I, 58).

¹ О степени точности перевода рецензентъ, не зная древне-восточныхъ языковъ, не можетъ судить. Для специалистовъ, вѣроятно, было бы желательно обоснованіе перевода

клинописныхъ текстовъ, причемъ тщательно отмѣчаются всѣ случаи, гдѣ переводъ не вполне установленъ. Едва ли въ какомънибудь трудѣ по исторіи древняго Востока болѣе наглядно выяснены, по текстамъ, характерныя черты культурной жизни отдѣльныхъ народовъ въ различные эпохи, результаты постепеннаго развитія религіозныхъ и правовыхъ идей, послѣдствія сближенія народовъ древняго Востока между собой и представителями эллинскаго міра. Изложеніе чуждо односторонности, обычной въ трудахъ по исторіи Востока вообще и древняго Востока въ особенности; отмѣчается фактъ, что для народовъ древняго Востока «религія была главнымъ и основнымъ элементомъ культуры» (I, 5) и въ то-же время отмѣчается «несоотвѣтствіе идеаловъ съ дѣйствительностью» (II, 143). Особенное вниманіе обращаютъ на себя страницы, посвященныя сравненію египетскаго міровоззрѣнія съ вавилонскимъ (особенно II, 177), религіозному синкретизму въ Египтѣ (I, 184, 297, 366 сл.), реформѣ Аменхотепа IV (I, 304 сл.), вопросу о вліяніи древняго Востока на эллиновъ и эллиновъ на древній Востокъ, причемъ, какъ «первая побѣда Востока надъ эллинизмомъ, и побѣда рѣшительная» (II, 292), отмѣчается фактъ признанія Александра сыномъ Амона; главы о Мероѣ и Аксумѣ (II, 342 сл.) и о пунической культурѣ (II, 377 сл.); главы о іудействѣ (II, 92 сл., 260 сл., 396 сл.), гдѣ едва ли не впервые на русскомъ языкѣ излагается исторія еврейской религіи, какъ результатъ постепеннаго развитія человѣческой религіозной мысли.

Областямъ, расположеннымъ къ Востоку отъ Вавилоніи, авторъ посвятилъ значительное число страницъ, основанныхъ на столь же тщательномъ изученіи текстовъ; такъ имъ отмѣчается недоразумѣніе, вызванное прежними чтеніями бехистунской надписи и окончательно отвергнутое «послѣ сплченій Томпсона и Кинга» (II, 210). Тѣмъ не менѣе приходится признать, что вопросы, касающіеся исторіи этихъ областей, разработаны менѣе удовлетворительно, чѣмъ вопросы, касающіеся исторіи Передней Азіи и Сѣверной Африки¹. Это относится въ одинаковой степени къ вопросамъ о древнѣйшихъ культурныхъ связяхъ Вавилоніи съ восточными областями, о распространеніи на востокъ вавилонской и семитической культуры, о происхожденіи и распространеніи національной религіи Ирана, о вліяніи элли-

путемъ сопоставленія съ соответствующими мѣстами текста (въ транскрипціи) въ тѣхъ случаяхъ, когда слова текста толкуются учеными различно. Ср. напр. слова Набонна о Кирѣ: «ego (Мардука?) юный слуга» (II, 135). У Вилкелера (Unters. zur altor. Gesch., S. 125): «sein (des Ummanmanda = Aštyages) unbedeutender Vasall»; также Auszug aus der vorderas. Gesch., S. 85.

¹ Равномерное освѣщеніе матеріала было бы возможно только въ коллективномъ трудѣ, каковымъ по существу является трудъ Эд. Мейера, несмотря на окончательную разработку матеріала однимъ лицомъ.

низма на жизнь Ирана и Индии, обь исторической жизни персидскаго народа въ цѣломъ.

Авторъ, по нашему мнѣнію, придаетъ слишкомъ большое значеніе работамъ экспедиціи Пемпелли, о которыхъ приводитъ не совсѣмъ точныя свѣдѣнія¹. Обнаруженіе «остатковъ культуры, напоминающей эламскую и отчасти сумерійскую», едва ли достаточно для подтвержденія гипотезы о «климатическихъ условіяхъ, а м. б. и этнографическихъ переворотахъ, обусловившихъ эмиграцію съ Иранскихъ горъ (?) на западъ» (I, 68). Мнѣніе о «климатическихъ условіяхъ», какъ причинѣ выселенія народовъ изъ Средней Азии, встрѣчаетъ все больше возраженій со стороны ученыхъ. Проф. Тураевъ замѣчаетъ, что причина упадка Вавилоніи «не перемена климата, который остался тѣмъ же» (I, 60). Къ такому же отрицательному результату привели до сихъ поръ всѣ попытки объяснить ухудшеніемъ климата экономическій упадокъ той или другой страны.

Проф. Тураевъ видитъ въ культурѣ Индии и даже Китая «несомнѣнное присутствіе вавилонскихъ элементовъ», къ которымъ причисляется индійскій алфавитъ, и считаетъ «мостомъ изъ Передней Азии на Дальній Востокъ» Эламъ (I, 62). Правдоподобіе, что семитическій алфавитъ проникъ въ Индію, какъ въ южную Аравію, помимо Вавилоніи и Элама, благодаря морской торговлѣ, о которой между прочимъ свидѣлствуютъ библейскіе рассказы обь Офирѣ; на это же указываетъ фактъ, отмѣченный проф. Тураевымъ по Гримме и Глазеру, что «южно-арабскіе законы гораздо ближе подходятъ къ моисеевымъ, чѣмъ къ Хаммураби» (II, 350). Наиболѣе вѣское доказательство вліянія вавилонской культуры на Индію и Китай проф. Тураевъ видитъ въ томъ, что «и въ астрономическомъ календарѣ китайцевъ, и въ календарѣ Ведъ показана максимальная продолжительность дня — 14 ч. 24 м., что соотвѣтствуетъ только географической широтѣ Вавилона!» (I, 157). Совпаденіе объясняется и иначе: взгляды на карту показываетъ, что географическая широта Вавилона есть въ то же время широта Пенджаба, гдѣ слагались Веды, и тѣхъ мѣстностей по Хуанъ-хэ, гдѣ возникли древнѣйшіе памятники китайской культуры.

По вопросу о происхожденіи зороастризма указывается только на «вѣроятность» восточно-иранскаго происхожденія Авесты (II, 205 и 210) и на противорѣчіе между ученіемъ Зороастра и погребальными обрядами персовъ въ эпоху Аземенидовъ (II, 211), но не отмѣчается сходство этихъ обрядовъ съ описанными у Геродота (IV, 71) обрядами южно-русскихъ

¹ Отдѣльной «нѣмецкой экспедиціи Губерта Шмидта» (I, 39) не было; Г. Шмидтъ былъ участникомъ экспедиціи Пемпелли. Никакихъ остатковъ до-историческихъ культуръ при его раскопкахъ въ Мервѣ найдено не было.

скиновъ. Это сходство показываетъ, что персы еще сохраняли обще-иранскіе погребальныя обряды, вполѣдствіи уничтоженныя религіей Зороастра, и что послѣдняя распространилась въ сѣверной части Ирана раньше, чѣмъ въ южной, тѣмъ болѣе, что, судя по Авестѣ, и въ восточной части Ирана преступныя съ точки зрѣнія зороастризма погребальныя обряды дольше всего сохранялись въ южныхъ областяхъ: жители Арахосіи обвиняются въ «неискупимомъ преступленіи» — оскверненіи земли трупами¹.

Совершенно не выяснено вліяніе, оказанное на зороастризмъ эллинизмомъ. Если обожествленіе македонскаго царя въ Египтѣ было «первой побѣдой Востока надъ эллинизмомъ» (II, 292), хотя и въ Македоніи цари были окружены «ореоломъ божественнаго происхожденія» (II, 290), то въ Иранѣ царь сдѣлался богомъ только подъ вліяніемъ эллинизма; персидскіе цари до Александра называютъ себя только ставленниками боговъ, царями божьею милостью, послѣ Александра, до эпохи Сасанидовъ включительно, богами. Въ связи съ этимъ находится и эволюція религіознаго искусства въ сторону антропоморфизма; въ эпоху Ахеменидовъ богъ витаетъ надъ царемъ, на сасанидскихъ барельефахъ богъ и царь встрѣчается непосредственно, причѣмъ оба сидятъ на коняхъ. Въ эту же эпоху планетамъ дали имена персидскихъ боговъ, отождествивъ этихъ боговъ съ соотвѣтствовавшими имъ по атрибутамъ богами вавилонскими и греческими. Если въ мусульманскую эпоху зороастризмъ «очистился до степени чистаго монотеизма» (II, 207), то въ предшествующую эпоху происходило, если можно такъ выразиться, «оязыченіе» религіи подъ вліяніемъ эллинизма. Религіозно-національная реакція не остановила этого процесса, несмотря на превращеніе зороастризма въ государственную религію и на проявленіе религіозной нетерпимости, перенесенной даже въ преданія о прошломъ (сюда относятся приведенный проф. Тураевымъ (II, 188), но не объясненный имъ рассказъ Юстина, будто персидскіе цари въ Карвагенѣ «объявили требованіе великаго царя не приносить въ жертву людей, не ѣсть собакъ и не хоронить покойниковъ въ землѣ»).

Проф. Тураевъ упоминаетъ о распространеніи вліянія эллинизма черезъ Иранъ на Индію, но приписываетъ «отдѣленіе Индіи отъ эллинистическаго міра» буддизму (II, 298); между тѣмъ греческими художниками было создано буддійское искусство, и одинъ изъ греческихъ царей (Менандръ) сдѣлался буддійскимъ святымъ.

Національный характеръ пращевъ, по справедливому замѣчанію проф. Тураева (II, 206), представляетъ полную противоположность націо-

¹. Vendidad I, 13, цитируется напр. у W. Geiger, Ostiran-Kultur im Altertum, S. 103.

нальному характеру индійцевъ, несмотря на тѣсное родство между обоими народами. Проф. Тураевъ объясняетъ это явленіе географическими и историческими условиями. Факты показываютъ, что съ измѣненіемъ историческихъ условий (географическія, конечно, остались безъ измѣненія) измѣнился и характеръ народа; такія слова, какъ «разсудочная трезвость» или «разсудочность и прозавичность» (II, 212) примѣнимы къ характеру древнихъ иранцевъ, но отнюдь не къ характеру средневѣковыхъ персовъ, создавшихъ поэзію и искусство, которымъ подражали другіе народы. Персъ мусульманской эпохи въ этомъ отношеніи столь же мало-походилъ на перса эпохи Ахеменидовъ, какъ итальянецъ quattrocento на античнаго римлянина.

Авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего труда говоритъ о чертахъ «Востока», какъ цѣлаго; въ разсказахъ о событіяхъ древности имъ иногда употребляются термины, заимствованные изъ быта мусульманскаго Востока, какъ визирь (только по отношенію къ Египту, напр. I, 206 сл., 233 сл.) и бакшишъ (I, 353); дѣлаются попытки по бытовымъ условіямъ современнаго Востока дать представленіе о жизни того же Востока въ древности; ставится вопросъ объ отношеніи современнаго населенія къ памятникамъ древней культуры. Нельзя сказать, чтобы эти страницы принадлежали къ числу лучшихъ въ книгѣ¹. Говорить, что «древне-восточный міръ», въ установленныхъ авторомъ географическихъ предѣлахъ, «предстаетъ единымъ цѣлымъ, едва-ли менѣе противоположнымъ греко-римскому, чѣмъ въ настоящее время мусульманскій міръ европейскому» (I, 9), значитъ не считаться съ историческою ролью ислама, соединившаго въ одно культурное цѣлое народы, до тѣхъ поръ остававшіеся чуждыми другъ другу, несмотря даже на временное политическое объединеніе. Средне-азиатскія области входили въ составъ государства Ахеменидовъ; хорезміецъ былъ при Ксерксѣ командиромъ крѣпости на европейскомъ берегу Дарданеллъ (Гер. VII, 78); солдатъ-хорезміецъ упоминается среди солдатъ гарнизона, стоявшаго въ концѣ V в. на южной границѣ Египта²; бактріецъ въ IV в. произвелъ возстаніе въ Малой Азій и захватилъ Пергамъ; другой бактріецъ подарилъ храму на островѣ Делосѣ изваяніе льва³; и все таки не только греческіе завоеватели IV в. до Р. Хр., но и арабскіе завоеватели VII в. по Р. Хр. нашли въ Бактріи и Согдіанѣ совершенно другую жизнь, чѣмъ въ Мидіи и Персіи, тогда какъ уже послѣ трехъ вѣковъ мусульман-

¹ Непріятное впечатлѣніе на специалистовъ по исторіи мусульманскаго міра произвело, вѣроятно, и такія транскрипціи какъ «Телло» (Телль-Лухъ) и Зендширли (Зенд-жирли).

² Ed. Meyer, Der Papyrusfund von Elephantine, S. 28.

³ V. Gardthausen въ Orient. Studien, Th. Nöldeke zum 70. Geburtstag gewidmet, S. 840, по Dittenberger, Inscr. gr. orient. Nr. 264 и Sylloge² 588¹⁰⁹.

скаго господства это различіе исчезло. Столь же сомнительно, чтобы «пигримства къ святымъ мѣстамъ» и «путешествія къ центрамъ мудрости и знанія, обычныя и на современномъ Востоѣ» (II, 91), имѣли такое же значеніе уже въ ассирійскую эпоху. Безъ критики приводятся «интересныя мысли» Леманъ-Хаупта объ исключительномъ уваженіи къ памятникамъ древности, въ томъ числѣ и къ клинообразнымъ надписямъ, въ Арменіи (II, 54). Въ дѣйствительности то же самое явленіе можно наблюдать въ другихъ областяхъ мусульманскаго міра. Вездѣ народъ приписываетъ писъменамъ таинственкій смыслъ и окружаетъ ихъ такимъ уваженіемъ, каковымъ они, конечно, не пользовались со стороны тѣхъ, кто могъ ихъ читать. Кусокъ камня съ клинообразными надписями, оказавшійся въсовой гирей съ именемъ и титулами Дарія, хранился нѣкоторое время въ мавзолеѣ мусульманскаго святого; вывозъ его изъ Персіи считался одной изъ причинъ обостренія болѣзни шаха Музаффар-ад-дина. Надпись въ горномъ ущеліи близъ Хамадана, въ которой увѣковѣчили свое имя и свои титулы Дарій и Ксерксъ, носитъ названіе Гендж-намэ (запись о 'кладѣ'); по поводу той же надписи арабскій географъ начала X в. Ибн-ал-Факихъ говоритъ о людяхъ древности, далеко превосходившихъ современныхъ поклѣтій тѣлесными, нравственными и умственными качествами, и на скалахъ оставившихъ потомкамъ свои мудрыя наставленія, заботясь о нихъ, какъ любящій отецъ о сынѣ¹.

Отмѣченные недостатки и пробѣлы, какъ и довольно многочисленныя корректурныя недосмотры (сюда мы склонны отнести и явный *lapsus calami* въ началѣ второй части², по странной случайности перешедшій изъ перваго изданія во второе), нисколько не уменьшаютъ научныхъ достоинствъ труда проф. Тураева, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ несомнѣнно дождется въ близкомъ будущемъ новаго изданія, въ которомъ желательно также облегчить пользованіе книгой нѣкоторыми поясненіями, необходимыми для студентовъ и неспеціалистовъ³.

¹ Bibl. Geogr. Arab. V, 244 сл.

² Абурубалитъ, корреспондентъ Аменхотепу IV, выдаетъ свою дочь за наследника вавилонскаго престола Карандаша; сынъ послѣдняго Кадашманъ-Харбе былъ корреспондентомъ Аменхотепу III (II, 2; ср. также I, 288). Получается неразрѣшимое хронологическое противорѣчіе. По Винклеру (*Auszug aus der vorgelag. Geschichte*, S. 13 f.) Кадашманъ-Беаъ, корреспондентъ Аменхотепу III, и Кадашманъ-Харбе, сынъ Карандаша, были отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими поклѣтніями.

³ При изложеніи содержанія надписи Дарія говорится безъ поясненія, что «Фравартисъ бѣжалъ въ Раги» (II, 185); не сказано, что этотъ городъ въ средніе вѣка носилъ названіе Рей и что развалины его находятся близъ Тегерана (на приложенной къ курсу картѣ города Персіи, кромѣ Экбатанъ, Пасаргадъ и Персеполя, не отмѣчены). По поводу упоминанія Зороастра «въ діалогѣ Платона Алкивіадъ» (II, 210) слѣдовало прибавить, что

Въ трудѣ проф. Тураева русскимъ читателямъ впервые предложень обзоръ исторіи древняго Востока, представляющій самостоятельный трудъ русскаго ученаго, внимательно изучившаго труды ученыхъ западной Европы и отдающаго имъ полную справедливость, но идущаго своимъ путемъ и тщательно отмѣчающаго все, въ чемъ отразилась культурная связь древняго Востока съ Россіей и что могло обратитъ на себя вниманіе только русскаго изслѣдователя¹. Въ исторіи русской науки появленіе труда проф. Тураева навсегда останется выдающимся событіемъ; по мнѣнію комиссія, обсуждавшей вопросъ о присужденіи медали Общества, Русское Археологическое Общество имѣло бы полное основаніе отмѣтить это событіе присужденіемъ проф. Тураеву золотой медали.

В. Бартольдъ.

Мартъ 1916.

этотъ діалогъ считается подложнымъ. Въ рассказѣ о Пальмирѣ упоминаются развалины храма Аллатъ «въ Леджѣ» (II, 374); въ указателѣ это названіе отождествлено съ фаміліей ученаго Legge.

¹ Сюда относятся такіе мелкіе, но характерные факты, какъ внесеніе имени египетскаго бога въ русскіе святцы (Онуфрій=Уонъ-нофру, «благой», эпитетъ Осириса, I, 183) и существованіе старо-русской повѣсти объ «Акирѣ Премудромъ», т. е. древне-восточномъ мудрецѣ Ахикарѣ (II, 245).